Ступоченко
В Брестские
дни.
Экз.

ИМЛ—Библиотека
ГК120
С918

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

„ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА"
под редакцией А. И Елизаровой и Ф. Кона

ГК 120
С 918

Л. СТУПОЧЕНКО

917-255
С-76

В БРЕСТСКИЕ ДНИ

С приложением „Тезисов о мире"
и докладов В. И. ЛЕНИНА на VII
с'езде РКП (б) и IV Чрезвычайном
с'езде Советов.

ПРОВЕРЕНО
1928

Моск. Губ. Отд. Строителей
Центральный [illegible]
КОЛЛЕКТОР
№ 48656

НОВАЯ МОСКВА
1926

3 экз

К
1088
ГК120 Р
С 918
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
Библиотека ин-та Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС
756129

Красно-Пресненская типография и словолитня имени Богуславского (3-я «Мосполиграф»). Москва, М. Грузинская, Охотничий пер., д. 5/7.
Мосгублит № 2238.
Тираж 9.000 экз.

1173
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Библиотека Института К. А. Тимирязева
134
16
1882
3018

В Брестские дни [1]).

(Воспоминания очевидца).

I.

Петроград кипел и бурлил... Хотя уже три месяца прошло, как отряды матросов и красной гвардии взяли штурмом Зимний дворец, но выстрелы изредка по вечерам, как эхо Октябрьского восстания, гремят на улицах Красной столицы.

Ярко вспыхнул бандитизм, надеясь воспользоваться кажущейся слабостью молодой, еще неокрепшей власти. От грабежей одиночек-прохожих в темных улицах до разгрома винных складов пыталась мутная волна подонков старого мира захлестнуть нарождающееся новое общество, увлекая в вихре пьянства и буйства отдельных колеблющихся — большей частью крестьян солдат старой армии. И суровой рукой приходилось красногвардейским патрулям по ночам бороться против нарушителей тишины и спокойствия революционной столицы. Нельзя было в осажденной крепости, в

---

[1]) Печаталось в журнале „Пролетарская Революция“ № 4 (16).

виду близкого врага, допускать безнаказанно нарушения суровой пролетарской дисциплины.

Под дыханием революции преобразилась северная столица. Улицы Петрограда днем так же оживлены, как и раньше, но закрытые магазины, да серые шинели и рабочие блузы, в изобилии мелькающие на Невском проспекте, отмечают наступившее владычество рабочих и крестьян, а расклеенные объявления о предохранительных мерах против цеппелинов напоминают о близости фронта. А ночью город замирает... Тускло мигают фонари, закрытые сверху колпачками, чтоб не привлекать своим светом неприятельские аэропланы, уже делавшие попытку сбрасывать бомбы на головы жителей столицы.

Обыватели заперлись в домах, надеясь в своих уголках отсидеться от всей этой революционной суматохи... По пустынным полутемным улицам изредка пробежит прохожий, пройдет патруль... Вдалеке где-то раздастся револьверный выстрел... и опять тихо... Но город не спит: он только притаился. А жизнь в нем бьет ключом, — не старая жизнь ресторанов, кафе, кутежей и разгулов, — вы не увидите даже проститутки на улицах, а новая, яркая, непонятная для мирного обывателя-мещанина, любящего уют маленькой квартиры, и чиновника 20-го числа...

Рабочие клубы, партийные комитеты, районные советы — вот где куется счастье всего человечества, вот где зреют те семена, которые дают те-

перь такой пышный цвет, что пугливо сторонится и мечется в бешенстве старая Европа, бессильная уничтожить «большевизм» и боящаяся вступить в открытую борьбу с Советской Россией, этим авангардом мировой революции. Отсюда вышли те молодые вожди красного и трудового фронта, перед гигантской выдержкой и трудоспособностью которых в изумлении останавливаются товарищи с Запада.

И первое место в числе этих подлинных школ революции занимал Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. «Смольный»— вот тот единственный «Свердловский Университет», который был у рабочих и крестьян в это бурное время, и только враги наши знают, как хорошо усвоили его ученики преподанные революционной действительностью уроки. До сих пор Европа не может понять, почему, как заколдованный клад, не дается ей в руки эта полуграмотная, обнищалая и разоренная страна, которую ни дубьем, ни рублем покорить невозможно.

Быть членом Питерского Совета в то время — это значило: принимать участие в разрешении всех тех вопросов, которые стоят перед ЦК, ЦИК, Совнаркомом; и чутко прислушивались к его голосу и Россия, и Европа.

— Верховный орган пролетарской власти — ЦИК, но Питерский Совет — вождь авангарда российского рабочего класса, вождь питерского пролетариата, должен раньше и прежде всех выска-

зать свое мнение, чтобы дать возможность ЦИК в своей работе опереться на авторитетное решение «наиболее передового отряда Советской республики»,— постоянно слышали мы от тов. Зиновьева.

Дыханье мировой революции чувствовалось в стенах «Смольного». Кого только ни видели мы на своих заседаниях!.. Дети Вольного Дона, разбившие с героем Подтелковым во главе Каледина [1]), клялись перед представителями питерского пролетариата отдать, если надо, свою голову за торжество коммунизма; своей геройской смертью впоследствии они подтвердили эту клятву. Представители Красной Финляндии, сбросившей цепи капитализма и национально-русского насилия; коммунисты — гости с Запада и Востока,— первые ласточки нарождающегося Коммунистического Интернационала, через моря, проволочные заграждения и окопы прилетевшие на зов русской революции; члены ЦИК и народные комиссары, дающие отчет в своей работе и различных ответственных поручениях высшей Советской власти также и перед «полноправным хозяином Красной столицы!»[2]).

Это были яркие, красочные дни, полные тревоги, сомнений, колебаний и веры в близкую мировую

---

[1]) Генерал Каледин, с августа 1917 г.,—атаман войска Донского. После Октябрьской Революции повел гражданскую войну против Советов, но был разбит отрядами Красной Гвардии и покончил жизнь самоубийством.

[2]) Питерским Советом Рабочих Депутатов.

революцию, — дни, когда мы ясно чувствовали ту страшную ответственность, которую несли перед международным пролетариатом за каждое наше решение, за каждую резолюцию. Эти дни, полные восторгов и упоений борьбы, врезались навсегда в памяти их участников. Никакие картины настоящего и будущего не изгладят из памяти незабвенных дней Октября и первых схваток с мировым капиталом. Многие события нигде не записаны, некогда было вести протоколы и сохранять их, и только живые участники могут рассказать грядущим поколениям — с какими муками и страданиями закладывался фундамент коммунистического общества.

Об одном из событий этого периода, который уже отошел в область истории, я хочу рассказать в этих воспоминаниях.

II.

Это было в конце февраля 1918 года. Мирные переговоры в Брест-Литовске кончились неслыханной в учебниках старой дипломатии формулой: «Ни война, ни мир».

Не хотела Рабоче-Крестьянская Республика продолжать империалистическую войну во имя захвата Константинополя и Дарданелл, но не могла, упоенная победами над «внутренним врагом»—русской буржуазией, подписать унизительный «похабный» мир.

Напрасно наш гениальный вождь тов. Ленин указывал на грядущую опасность и, взывая к холодному рассудку трезвого политика, настаивал на необходимости немедленного заключения мира. Опьяненные победой, гордые своей ролью застрельщика и зажигателя мировой революции,— могли ли мы склонить свое гордое знамя под пыльный сапог германского шуцмана?.. Мы видели вспыхнувшее над всем миром зарево революции и верили, что шатающиеся троны не нынче-завтра падут под натиском пролетариата, и под обломками капитализма будет погребена и эта кровавая война. Зачем же тогда такое унижение и позор?!. Не лучше ли с оружием в руках умереть за торжество столь близкой мировой революции? Все было так просто, так достижимо.

Это была пора прекрасной юности русского пролетарского движения. Ее мощный зов устами тов. Троцкого разносился с «Брестской трибуны» по всему миру, пробуждая спящих, поднимая энергию уставших и возбуждая надежду отчаявшихся...

Иллюзии детства еще дурманили голову вышедшего на широкий простор русского пролетариата... И коммунистическая партия, плоть от плоти и кость от кости рабочего класса, тоже переживала эту же детскую болезнь. С самого начала переговоров возможность сепаратного мира обсуждается в кругу руководящих партийных товарищей. Три направления наметились в нашей партии к февра-
ю 1918 года:

1-е направление: сторонники революционной войны. Их яркими представителями были т.т. К. Радек и Бухарин, настаивавшие на необходимости вести оборонительную войну против наступающего капитала. Они рассчитывали этой героической борьбой вызвать взрыв энтузиазма на Западе, а мировое восстание пролетариата сразу решит войну в нашу пользу и спасет нас от гибели.

2-е направление: ни война и ни мир. Его представителем был т. Троцкий. Эта группа товарищей считала, что немецкое командование будет бессильно заставить сражаться свои войска, в рядах которых так много социалистов, против красных знамен русской революции. Я помню, как тов. Троцкий, вернувшись из Бреста и делая доклад в Петроградском Совете о ходе переговоров и о том впечатлении, какое произвела на немцев наша формула: «ни война и ни мир», закончил его такими словами: «Я не знаю, сумеет ли немецкий империализм послать войска против Социалистической Республики. 90 шансов из 100 за то, что наступление не удастся, и только 10 шансов за наступление. Но я уверен, что наступления не будет». Через несколько дней мы имели все данные убедиться, что выпал для России один из 10 шансов!

3-е направление: группа сторонников мира во что бы то ни стало во главе с т.т. Лениным и Зиновьевым, наиболее трезво и верно сумевшими учесть экономическое и политическое соотношение борющихся сил.

Но все эти споры и разделения на группы были тогда неизвестны мне, только что вошедшей в партию и не связанной непосредственно с широкими рабочими и партийными массами. Единственным местом, где я тесно соприкасалась с ними, был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, членом которого я была в это время. Партийная же и Советская печать о разногласиях в нашей среде ничего не писала.

Первая трещина, проведенная Брестом в дружной до сих пор фракции Питерского Совета, обнаружилась на заседании 21-го февраля. Вместительная фракционная комната переполнена как членами Совета, так и гостями. В одном углу длинная очередь регистрирующихся. В толпе, окружающей стол, раздаются шутки и смех. Заинтересованная этим, я подхожу и вижу невысокого, плотного, седого, профессорского вида товарища, с небольшой бородкой, в пенсне, которого я до сих пор в Совете не встречала. Он записывается, а кругом насмешливые замечания: «Со вступлением во фракцию!».—«С партийным крещением!».—«Ишь, какой младенец новорожденный!». Он тоже отпучивается. С любопытством наблюдаю эту сцену, не вполне понятную тогда для меня.

Комната быстро наполняется людьми... Приходит тов. Володарский, берет полено из кучи дров, лежащих у печки, ставит его в угол, садится на него и, облокотившись о печку рукою, опускает го-

лову и глубоко задумывается. В такой позе он просидел все заседание, не промолвив ни слова. Необычайный вид всегда живого, энергичного тов. Володарского, нашего неизменного председателя на фракции и на пленуме Совета, очень удивил меня. Я в полном недоумении. В чем дело?!. Вообще чувствуется какое-то необычное настроение у присутствующих.

Начинается заседание. Тов. Зиновьев делает доклад о положении на фронте. Немцы начали наступление, армия наша бежит, и Совнарком послал телеграмму о согласии подписать Брестский мир. Питерский Совет должен этот шаг одобрить. Зиновьев кончил... По обыкновению я аплодирую ему и останавливаюсь с изумлением. Что это?!. Вместо дружных обычно аплодисментов, раздаются два-три хлопка. Остальные присутствующие молчат... Я — в недоумении: «Неужели же тов. Зиновьев сказал какую-нибудь глупость? Но ведь это так не похоже на него!».

Вскоре все разъясняется. Начинаются горячие прения. Выступают т.т. К. Радек и Рязанов с резкой критикой уступки СНК империалистам и предлагают Питерскому Совету не только не одобрять посылки телеграммы немецкому командованию, а, наоборот, требовать от Совнаркома и ЦИК отказа от всяких переговоров и организации вооруженного отпора наглому врагу.

Речь Рязанова, пересыпанная едкими и остроумными замечаниями, вызывает местами смех присут-

ствующих, и гром аплодисментов покрывает заключительные слова Рязанова и К. Радека.

С места срывается т. Лашевич:

— Товарищи! Мы не должны выступать против Совнаркома. Знайте, что т.т. Ленин и Зиновьев стоят за немедленное подписание мира и, получив ваше решение, они подадут в отставку и откажутся от управления страной!

— Тов. Лашевич не прав,— останавливает его тов. Зиновьев,— нельзя подходить к вопросу с точки зрения: будут ли в Сов. Нар. Ком. т.т. Ленин или Зиновьев. Дело не в личностях. Питерский Совет обязан принципиально высказаться по вопросу о мире.

И развернулись резкие прения. Я сидела — ошеломленная этой страстной борьбой. Кто же из них прав? А ведь этот вопрос нужно было решить, так как предстоит голосование. Часа 3—4 продолжались прения. В конце перевес в настроении присутствующих получает точка зрения тов. Зиновьева, и большинство фракции Петросовета (в том числе и я) голосует за предложение тов. Зиновьева: признать правильным согласие Сов. Нар. Ком. подписать Брестские условия. Т. Зиновьев напоминает присутствующим о строгом соблюдении дисциплины и необходимости для всех голосовать на пленуме за вынесенное большинством фракции решение. Это первый наглядный урок, в чем заключается партийная дисциплина, полученный мною.

На пленуме, после жаркой схватки с левыми эс-

эрами (противниками мира), Совет, в котором было громадное подавляющее большинство коммунистов, принимает предложение нашей фракции.

С тяжелым чувством нависшей над нашей революцией смертельной опасности покидаем мы зал заседания «Смольного».

На другой день, развернув утром «Красную Газету», узнаю, что обнаглевшие германские империалисты требуют всю Литву и Эстляндию, отозвания русских войск из Украины и Финляндии, т.-е. оставления и их на съедение немецкому хищнику. Я возмущена до глубины души этой наглостью. Все можно допустить, на все согласиться, только не на это иудино предательство в руки палачей наших младших братьев, и я становлюсь решительной противницей грабительского мира, несущего кабалу нашим окраинам. В этой же газете я читаю письмо Ленина, в котором он призывает всех согласиться по необходимости на эти условия мира.

«Обязательно подпишут мир, раз Ленин настаивает,— грустно подумала я,— но как только он может соглашаться на это предательство?..»

В 2 часа назначено заседание Питерского Совета. Отправляюсь в Совет пораньше, чтобы потолкаться среди товарищей по фракции и из мимолетных разговоров узнать новости. Опять в Смольном, кроме членов Совета, много рабочих, пришедших послушать, что скажут их представители. Из отрывочных разговоров я узнаю о каком-то журнале

или газете (сейчас не помню) под названием «Коммунист» [1]), выпущенном группой Бухарина.

Заседание фракции было отменено, но наш исполком пришлось ждать 2—3 часа. Наконец, на трибуне появляется Зиновьев и объявляет, что так как вопрос о мире стоит сегодня на заседании ЦИК, то президиум Питерского Совета предлагает устроить объединенное заседание, и если члены Совета согласны, то могут сейчас же итти в Таврический Дворец, где собирается ЦИК. Предложение единогласно принимается, и мы уходим из Смольного.

III.

Пышный дворец фаворита Екатерины II, заново отремонтированный для Учредительного Собрания, теперь перешел в рабочие руки тех, отцы и деды которых создавали под ударами бича это роскошное здание. Впервые я переступаю с некоторым волнением порог этого исторического помещения, места схваток коммунистического авангарда с буржуазией и ее социалистическими прихлебателями.

---

[1]) „Коммунистом" назывался орган так называемых „левых коммунистов", противников подписания мира. Выходил вначале в Ленинграде, под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого, а затем в Москве. Вначале в Ленинграде (с 5—19 марта) выходил ежедневно, а затем в Москве (апрель — июнь 1918 г.) еженедельно. В „Коммунисте" принимал участие целый ряд видных работников.

То ли Зиновьев еще не успел договориться с президиумом ЦИК о нашем присутствии, то ли комендатура не была предупреждена, но только нашу группу членов Петросовета, человек пять, пришедших туда первыми, не пустили по членским билетам Совета, а заставили брать гостевые билеты. Было очень рано, и я отправилась осматривать помещение. Побродив некоторое время по пустым комнатам, удивленная отсутствием членов ЦИК, которые должны бы были уже собраться, я решила итти во фракционную комнату. У дверей, предъявив свою фракционную карточку члена Петросовета, я долго объясняюсь с товарищем, регистрирующим членов фракции ЦИК, пока, наконец, не добиваюсь пропуска. Войдя в следующую комнату, застаю почти в полном составе фракцию.

Заседания нет. Сажусь в ряды и от моего соседа (какого-то военного) узнаю, что сейчас идет заседание ЦК, которое решает вопрос о подписании мира, фракция же ожидает решения ЦК. С этим товарищем у нас завязывается ожесточенный спор, при чем я отстаиваю точку зрения Бухарина, а мой собеседник настаивает на немедленном подписании мира, доказывая необходимость этого тем, что воевать никто не хочет. За спором не замечаем, как появляется бюро фракции с тов. Свердловым во главе.

Тов. Свердлов заявляет, что ЦК высказался за подписание мира, но фракция, независимо от его

рения, должна тоже выявить свое мнение, так как в ЦК полного единодушия нет. Для более всестороннего освещения этого, крайне серьезного вопроса, от решения которого зависит все дело мировой революции, т. Свердлов предлагает устроить совместное заседание обеих советских фракций — большевиков и левых эсэров (у которых такие же группировки, как и у нас), заслушать доклад главковерха т. Крыленко и обсудить создавшееся положение. Предложение принимается, и мы спускаемся в первый этаж.

Коммунисты — члены ЦИК — занимают свои обычные места, а мы — члены Питерского Совета — садимся на места правых партий. Я по обыкновению сажусь поближе, в первом ряду. На кресле карточка Мартова. Раньше, мне сказали, здесь сидел Пуришкевич. Революция ничего не выиграла от такой замены...

С любопытством рассматриваю присутствующих, расспрашивая соседа об их именах. Многих из ответственных работников я видела в первый раз. Тов. Троцкого в этот вечер не было. Почему он отсутствовал в такой ответственный момент, я до сих пор не знаю. Особенно меня поразил внешний вид тов. Ленина. Я представляла его высоким, сильным, широкоплечим, с открытым смелым взглядом, всей своей фигурой отражающим мощь и силу [illegible]. А тут передо мной низенький, коренастый, [illegible], буржуазного вида человек. Маленькие раскосые глазки, хитрая усмешка. Надо отметить, что в этот момент я

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

еще не знала всей громадной заслуги Ленина в прошлом, его настоящего духовного облика и, не порвавшая еще связи с окружающей меня мелкобуржуазной средой, я смотрела в первый момент на него через призму обывательщины, для которой много значит внешний вид человека. И я невольно поставила вопрос: чем же Ленин так покоряет сердца, что все до единого коммунисты так бесконечно любят его? Ответ я получила на этом же заседании.

Фракция большевиков в полном составе, а левых эсэров нет. Ждем их полчаса, час, наша публика нервничает, и Свердлов подозвал уже к себе одного товарища и хотел послать его на разведку, когда в зал входят, наконец, левые эсэры. Рядом со мной садится Фишман, которого я знала по Питерскому Совету, где он всегда выступал единственным фракционным оратором левых эсэров, за остроумной полемикой которого с правыми с удовольствием следил весь зал. Свердлов упрекает эсэров за опаздывание. Камков[1]) оправ-

[1]) Камков — член партии социалистов-революционеров. Камков вместе со Спиридоновой после Октябрьской Революции состоял лидером отколовшейся от П. С.-Р. группы левых эсэров и интернационалистов, которая принимала участие в организации Советской власти и дала своих представителей в Совет Народных Комиссаров. Но в вопросе о Брестском мире левые эсэры разошлись с большевиками и вышли из правительства.

В июле 1918 года пытались спровоцировать войну с Германией, бросив бомбу и убив германского посла в Москве графа Мирбаха, организовали, но [illegible] в Москве.

В Брестские дн[illegible]

Моск. Губ. Отд. Строителей
Центральный [illegible]
КОЛЛЕКТОР
№ 48686

дывается, что у них было фракционное заседание. Свердлов разводит руками:

— Но ведь мы же условились отдельных фракционных заседаний не устраивать, а вместе обсудить этот вопрос. Времени так мало, а вы нас заставили ждать целый час.

Все рассаживаются... Т. Свердлов открывает совещание, напоминает, что к утру мы должны дать ответ немцам, а сейчас уже 11-й час ночи, и просит ораторов быть краткими.

Первое слово дается тов. Крыленко. Его доклад сводится к одному: армии нет; деморализованные солдаты бегут в панике от показавшейся на горизонте немецкой каски, бросая артиллерию, обозы и всякое военное имущество наступающему врагу. Красногвардейские отрядики сметаются, как былинки. Нет силы, которая могла бы остановить неприятеля. Только немедленное подписание мира спасет нас от гибели.

Его речь прерывается негодующими выкриками левых эсэров: «Это демагогия, а не отчет главковерха!» — «Долой его!» Большевики заступаются за Крыленко: «Не волнуйтесь, эсэры! Немцев здесь нет! Воевать не с кем!». С трудом Свердлов успокаивает собрание. Атмосфера накаляется...

— А где наш флот? — раздается с места вопрос.

— Тут сидит т. Раскольников, спросите у него, — отвечает Крыленко.

Раскольников безнадежно машет рукой и с места заявляет:

— Флота нет. Он развалился. Матросы бегут домой, бросая свои корабли неприятелю.

Окончив доклад, т. Крыленко сходит с трибуны под аплодисменты, шум и свист собрания, при чем я заметила, что и в наших рядах полного единодушия нет.

Тов. Свердлов объявляет, что, по соглашению Бюро обеих фракций, слово будет дано только двум ораторам — противнику и стороннику мира от каждой фракции. Собрание единогласно принимает этот порядок.

Слово предоставляется противнику мира от фракции большевиков. Выступает т. К. Радек. Его я уже слышала на заседании фракции Петроградского Совета, и эта речь не произвела на меня особенного впечатления.

Затем от фракции левых эсэров выступает противник мира т. Штейнберг. Его речь была поразительно красива. В ярких красочных картинах он рисовал судьбу наших окраин, брошенных этим миром на растерзание империалистам. Он указывал на ту пропасть, куда покатится наша страна, так дорого завоеванную свободу которой постепенно задушит немецкий кулак. «Мы не хотим войны... Мы хотим мира, но... не позорного, не похабного мира изменников и штрейкбрехеров. И весь трудовой народ поддержит нас в борьбе за честь и спасение революции!»

Под аплодисменты эсэровской фракции Штейнберг покидает трибуну.

Я была в восторге от этой прекрасной речи. Слушая ее, хотелось ринуться в самую гущу битвы и сложить, если надо, свою голову за свободу всего человечества. Штейнберг буквально сказал мои мысли, только в образной, картинной форме. С удовольствием я наградила бы эту пылкую восторженную речь аплодисментами, но к своему огорчению не могла решиться приветствовать члена враждебной нам партии.

— Слово, как сторонник немедленного заключения мира от фракции большевиков, имеет т. Ленин, — отчеканил тов. Свердлов.

С живейшим любопытством я ждала его выступления. Посмотрим, что скажет после блестящей речи Штейнберга тов. Ленин, как сумеет он доказать необходимость подписания этого унизительного, позорного мира.

О! через несколько минут я поняла, — почему за т. Лениным идут массы.

Неумолимый рок, неотвратимый, как сама смерть, стоял перед нами на трибуне. Можно было кричать, протестовать, в бешенстве сжимать кулаки или покорно склоняться под его ударами, но предотвратить или изменить свою судьбу невозможно. Голые факты, суровая действительность, сама доподлинная жизнь, не созданная воображением, не вычитанная из книг, а такая, какой она существует во всей своей ужасающей правдивости, встала перед нами.

— Да, мы сейчас бессильны. Немецкий империализм схватил нас за горло, бросил на-земь.

наступил коленом на грудь и приставил револьвер к виску,— говорит т. Ленин,— и я не вижу той пролетарской руки с Запада, которая сжала бы в тисках лапу немецкого империализма. Дайте мне сейчас 100 тыс. армию, но крепкую, стойкую, которая не дрогнет перед врагом, и я не подпишу мира. Я не мешал вам, я отошел в сторону, я эти два месяца предоставил вам полную свободу. А вы создали крепкую армию? Что вы мне можете дать реального, кроме болтовни или махания картонным мечом?..

— Отступая к Уралу, мы сумеем продержаться под натиском немцев 2—3 недели. Вы дадите мне гарантию, что через 2 недели будет мировая революция?..

— Да! это позорный, похабный мир, но если вы сейчас не подпишете предложенных условий (если, конечно, немецкий империализм согласится сейчас заключать мир,— он может отказаться), то через месяц вы подпишете в сто раз худшие условия...

— Вы должны подписать этот похабный мир во имя спасения мировой революции, сохраняя для нее главную и единственную в настоящее время опорную крепость — Советскую республику

И под влиянием этих жестоких слов бледнеет вся красота и жажда подвига, навеянная эсэровской фразеологией. И ужас сжимает сердце. Холодом безнадежности веет от будущего. Что сулит оно униженной, затоптанной в грязь пролетарской стране?!.

— Вы думаете, что путь революции усеян розами? Что мы пойдем от победы к победе под звуки «Интернационала», с развевающимся знаменем в руке? — падают с трибуны суровые обличения. — Легко быть революционером в таком случае! Революция, это — не увеселительная прогулка! Нет! Путь революции идет по терниям и шипам. По колено в грязи, продираясь зубами и ногтями, на брюхе, если надо, мы будем ползти через болото и грязь вперед к коммунизму и выйдем победителями из этой борьбы!..

Это была твердая уверенность в победе, основанная на реальном учете сил, на умении наступать и отступать, если надо, без паники, крика и стона, стиснув зубы, и итти вперед через страдания, через трупы своих товарищей и братьев, итти, не теряя даже при безнадежном, казалось бы, положении веру в победу мировой революции.

Так вот какова она, эта партия рабочего класса, партия несокрушимой мощи и стальной воли, борющаяся за мир и счастье всего человечества. И, как живое ее олицетворение, стоит на трибуне маленький человек, властно срывающий с действительности тот красивый покров, в который одел ее эсэр Штейнберг.

И стала ясна тайна силы и влияния т. Ленина. Он умеет пробуждать холодный рассудок. Он безжалостно уничтожает все грезы и мечты и, вместо прекрасной волшебно-сказочной иллюзии, он вселяет трезвое понимание жизни, и на основе

твердого спокойного учета сил — непоколебимую веру в грядущее торжество коммунизма...

Речь Ленина окончена... Тов. Свердлов предлагает слово сторонникy мира от левых эсэров. Но эсэры заявляют, что таких у них нет.

— Это не верно, — возмущается Свердлов: — вам нечего замазывать перед нами ваши разногласия. Мы же не скрываем своих. Я знаю, у вас есть сторонники мира. И мы сговорились с Бюро вашей фракции, что выступим открыто на этом заседании.

— Нет! Наша фракция имеет единое мнение, — заявляет Камков.

В зале начинается шум. — «Спиридонову!» — «Камкова!» — кричат большевики. Но эсэры решительно отказались выступать... Шум... выкрики с мест... Звенит колокольчик, и т. Свердлов устанавливает порядок простым напоминанием: «Товарищи! Времени мало... Враг наступает... Надо скорее решать».

Слово просит т. Рязанов. Свердлов удивленно отвечает, что ему должно быть известно решение собрания прений не открывать. Т. Рязанов настаивает. Эсэры рады случаю поскандалить и требуют ему слова. Вопрос становится на голосование, и большинство собрания — повидимому, и большевики поддержали — слово ему дает. Взволнованный и раздраженный, т. Рязанов беспощаден к своей партии. Его резкие, но остроумные выпады по адресу т. Ленина и «верхоглава» Крыленко

вызывают аплодисменты на скамьях эсэров. Больше никому слова не дают.

— Собрание закрывается,—объявляет тов. Свердлов.—Большевики! На верх! Во фракцию!

— Как? Вы еще фракционное заседание устраиваете?!.—раздаются удивленные голоса эсэров.

— Конечно!—отвечает т. Свердлов.—Мы, по уговору, ожидали вас здесь и еще не решили!

Мы идем из залы. В дверях впереди меня оказываются т.т. Володарский и Фишман. Я слышу их разговор. Фишман убеждает тов. Володарского добиваться во фракции свободы голосования, так как в зале противников мира много, и если на пленуме к ним присоединится часть большевиков, то мир подписан не будет. Что ответил тов. Володарский, я не слыхала.

Свердлов открывает заседание фракции и, так как все ясно, предлагает прямо приступить к голосованию.

— А вопросы можно задавать?—раздаются голоса.

— Можно,—решает фракция.

И тут-то начался один из самых интересных разговоров, какие я когда-нибудь слышала. Противники мира засыпают Ленина вопросами, один другого ехиднее. Во главе этой атаки стоит т. Стеклов.

— А скажите, тов. Ленин, как вы думаете исполнить пункт договора об отзыве наших войск из Украины? Бросим беззащитную страну на разграбление немцам?!.

Хитро прищуриваются глазки Ленина:

— Из Украины войска отзовем по договору, только... там сам чорт не разберет, где украинские войска, где русские. Очень возможно, что там вообще уже «русских войск» нет, а есть одна украинская армия.

Присутствующие смеются.

— Неужели же мы откажем в помощи нашим братьям-финнам и предоставим им одиноким глбнуть в неравной борьбе?

— Да, мы будем обязаны отказаться. Но представьте, какой вчера был несчастный случай на Финляндской ж. д. Несколько вагонов со снарядами по «недосмотру» железнодорожников попали не в тот состав и отправились, вместо юга, прямиком в Финляндию. Такие «печальные» ошибки на границе всегда возможны. А матросов отозвать просили сами финские товарищи, так как они настолько деморализованы, что продают оружие белым и только мешают борьбе за Советскую власть.

— Но мы должны будем отказаться от агитации против империализма, отказаться от подготовки мировой революции?

— Я, кажется, имею дело не с политическим младенцем, а со старым подпольным работником, который прекрасно знает, как можно было вести агитацию при царизме. Кайзер ничем не лучше Николая!

— Но партия не может печатать против империалистов и кайзера статьи в своих газетах. Ведь эта «агитация» нарушит Брестские условия?

— Мир подписывает ЦИК, Совнарком, но не ЦК партии, и за поведение последнего Советская власть не отвечает.

И шаг за шагом, спокойно, с чуть заметной иронией, тов. Ленин выбивает своих противников из занимаемых ими позиций. На все вопросы у него есть ответ, показывающий, какое разнообразие методов и приемов борьбы есть в нашем распоряжении. Этот спор рассеивает все колебания, освещает все темные места похабного мира. И легче становится при виде этой бьющей энергии и силы. Жива наша революция и не погибнет, имея таких бойцов...

Голосование...

— За мир?

— Против?

Из видных работников против мира голосуют Луначарский и Стеклов. Остальных я не помню. Володарский воздерживается. Это удивило многих из нас. Так непохоже это уклонение от ответственного решения на смелые, иногда прямо дерзкие выступления нашего любимого оратора. И невольные возгласы удивления раздаются в зале: «Как? Володарский! Воздерживается?!.».

Володарский, все время молчаливо державшийся в стороне, берет слово и устало отвечает:

— Я против мира... Я был все время против, но теперь уже поздно. Борьбу надо было начинать раньше... Сейчас время упущено. Враг зашел далеко... Я мог бы голосовать против... Это в сущности дела не изменит... Я принципиально против мира, но сейчас признаю бесполезной борьбу с империалистическим хищником...

Решено... Мир подпишем! Но противники не успокаиваются. Ведь еще будет пленум ЦИК.

— Товарищи! Вопрос о мире очень важен,— обращается к присутствующим Стеклов: — ведь тут решается судьба мировой революции. Я прошу фракцию разрешить свободу голосования каждому, как он считает лучше для международного пролетариата.

— Вот именно потому, что здесь решается вопрос жизни и смерти мировой революции,— отвечает тов. Свердлов,— необходимо провести на пленуме решение большинства ЦК и нашей фракции. Партия в целом берет всю ответственность на себя и особенно сейчас, когда против нас выступают все фракции ЦИК и нас незначительное большинство, в наших рядах должна быть особенно сильна дисциплина и сплоченность. Кто за партийную дисциплину?

— Тов. Свердлов! — закричал Стеклов. — Так нельзя ставить вопрос. Я тоже за партийную дисциплину.

И он тоже поднимает руку против своего предложения.

— А если будет поименное голосование?— раздается чей-то вопрос.

— А партийная дисциплина?— в тон ему следует ответ тов. Свердлова.

Слово просит какой-то товарищ из рядов.

— В чем дело?— спрашивает т. Свердлов.

— Товарищи! — срывающимся от волнения голосом говорит тот.— Мы, латыши, не могли получить директив от нашей организации, так как отрезаны от нее фронтом... Мы не знаем мнения наших товарищей... А между тем этот мир обрекает на гибель Советскую Латвию и, подписывая его, мы подписываем смертный приговор лучшим сынам рабочего класса, нашим близким друзьям и товарищам. Мы подчинимся вашему решению, мы будем голосовать с вами, но поймите, нам так это мучительно тяжело!..

И жуткая драма, которую переживают наши товарищи, стала ясна нам всем.

Чуткий Свердлов, с его железной непреклонностью, живо отозвался на этот невольный крик боли, сорвавшийся с губ взволнованных коммунистов-латышей.

— Товарищи! Мы не можем требовать сверхчеловеческих усилий. Латышским товарищам действительно слишком тяжело. Мы разрешим им не голосовать.

Предложение единогласно принимается.

— Товарищи-латыши! Фракция разрешает вам воздержаться, но вы уйдете из зала заседания до

голосования, чтобы фракция осталась единой и сплоченной. Больше никто не смеет уходить до голосования, так как это будет нарушением партийной дисциплины.

Заседание закрывается. Идем вниз. В кулуарах нас встречают другие партии. К Володарскому подходит Фишман:

— Ну, что?— слышу я его тревожный вопрос.— Разрешили свободу голосования?

— Нет,— отвечает Володарский,— мы выступим организованно.

— Вы губите революцию!

Тов. Володарский пожимает плечами.

Вот и зал заседания. Члены Питерского Совета садятся позади членов ЦИК. На хорах много публики, несмотря на позднее время. Было уже 3 часа ночи... Я не буду здесь передавать содержания речей. Все это было опубликовано, да и на меня выступления не произвели уже никакого впечатления, так как все было уже сказано во фракции. Помню только, что меньшевики выступили в новой роли защитников Советской республики, на что и получили достойную отповедь со стороны т. Зиновьева.

Вот и долгожданное голосование: «Кто за мир?»— Голосует наша фракция.— «Кто против мира?»— Все остальные. Подсчитывают... Наших большинство.

— Поименное голосование!— раздаются голоса.

Т. Свердлов по списку вызывает членов ВЦИК.

Незабываемая картина... Один за другим поднимаются на трибуну коммунисты и громко говорят: «за». И те, которые считают это решение гибелью революции и только что так отчаянно боролись во фракции против, громко и твердо, спокойно глядя в глаза всему залу, говорили «за» против своего искреннего убеждения, добровольно подчиняясь партийной дисциплине: Стеклов, Луначарский, Володарский...

Я была ошеломлена. Я только сейчас увидела, что значит быть членом коммунистической партии, какие страшные обязанности она возлагает на них. Я поняла, что приходится иногда коммунистам выступать против самого себя, защищать и даже проводить в жизнь решение большинства партии, с которым ты не согласен. И ясно стало, что такая партия, с такой гранитной спайкой — непобедима. Одной этой картины довольно, чтобы решить, за кем будущее.

И какими жалкими и ничтожными показались все эти меньшевики, правые и левые эсэры с их словами об единстве мнения и свободным голосованием, при котором ярко была продемонстрирована их разноголосица. Кто говорил за, кто против, кто воздерживался. И так ясно выявилась их интеллигентская мелкобуржуазная расхлябанность на фоне пролетарского единства нашей фракции.

За мир 116, против 85, воздержалось 26, два анархиста голосовать отказались. Кончено... Позорный похабный мир подпишем...

С хор раздаются голоса:

«Изменники!» — «Предали родину!» — «Иуды!» — «Шпионы немецкие!»

Коммунисты огрызаются и показывают кулаки.

Под шум, гам и озлобленный вой выходим на улицу.

Уже около 6 часов утра, но еще темно. Только на востоке чуть-чуть посерело небо. Я иду по пустынным улицам спящего города, раздумывая о полученных уроках. Такие уроки не забываются.

Тяжелая лапа германского империализма мертвой, казалось, хваткой сжала горло Советской республики, и эту лапу мы все время чувствовали на этом заседании. И перед смертельной опасностью слетел интернациональный покров с социалистических партий, и мы увидели перед собой националистов, выше всего ставящих интересы своей нации, и ужас, и растерянность, и распад обнаружились в их среде.

А рядом с ними — организованная, с единой волей и железной дисциплиной коммунистическая партия, идущая на всевозможные национальные жертвы во имя международного братства пролетариата, без колебаний и шатаний, твердо и неуклонно продолжающая строить фундамент коммунистического общества.

И горячая любовь к этой партии охватила меня.

Стоит жить, страдать и бороться за одно только право носить имя творца прекрасного будущего, смелого борца за свободу и счастье всего человечества — имя «коммуниста»!

ПРИЛОЖЕНИЕ.

В. И. Ленин.

Тезисы о мире [1]).

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне Советской власти и начатой ею социальной революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознающих, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю, на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется немалое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, — а с гражданской войной в осо-

---

[1]) Были опубликованы 24 февраля 1918 года в „Правде“ под названием „К истории вопроса о несчастном мире“, несколько позднее их написания.

бенности, — пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д., и т. п., это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ними неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их при обилии мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой Советской власти, ибо международная ситуация на четвертом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7/1 —1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать

и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т.-е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы на содержание пленных), контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос: принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот довод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста, условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для

части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы, условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалист-

ской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики — которому из двух империалистов выгоднее помочь теперь, а тот принцип — как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из с.-д. стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали пораженчество лишь по отношению к собственной империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые с.-д. предлагали нам оттянуть сепаратный мир па

48686

определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос *мог бы* встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можно, но решайте вопрос по соображениям положения дел в *русской* социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну, и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о *необходимости* «*подготовлять и вести*» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны *готовить* революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить; расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколь-

ко раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли сейчас, немедленно вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо притти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление, во-первых, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр., во-вторых, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию, в-третьих, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большой части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петербурга.

15. Далее нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в нее отрядов Красной гвардии и проч. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом; оно в состоянии немедленно в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классов по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир

этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады [1]) с черновцами или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю, свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжкой, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон.

---

[1]) Киевская Рада, организованная украинскими меньшевиками эсерами и др. мелко-буржуазными партиями, сыграла в вопросе о Брестском мире предательскую роль. Ее делегация не только заключила с Германией мир, но и наступательный союз против Советской России.

Вначале пользовалась покровительством императора Вильгельма, с помощью штыков которого была водворена в Киеве. Но вскоре, однако, Германия предпочла мелко-буржуазной Раде „диктатуру“ гетмана Скоропадского, оказавши ему содействие в разгоне Рады

Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников, там — мир и социалистическая республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социали-

стической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но, если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польша, Литва, Курляндия и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «Мы не можем подписать позорного, похабного и проч. мира, предать Польшу и т. д.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и др. стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром, с точки зрения России, но нисколько не перестал бы быть миром с аннексионистами, с германскими империалистами.

Доклад по вопросу о Брестском мире на VII съезде РКП [1]) (6—8 марта 1918 г.).

(Заседание 7 марта 1918 г.).

Несколько строк начала речи не застенографировано.

... Ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было, во что бы то ни стало, перейти поскорее к активной политике мира, необходимо взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и

---

[1]) VII съезд РКП происходил в Петрограде 6—8 марта 1918 года и был созван ЦК для решения вопроса о подписании мира с Германией. В повестке дня было: 1) отчет ЦК, 2) вопрос о Брестском мире и 3) изменение программы и наименования партии. 28 голосами против 12 съезд постановил одобрить ЦК, давший директиву о подписании мира. По последнему вопросу съезд постановил переименовать партию в „Российскую Коммунистическую Партию (большевиков)".

Авксентьев [1]), доходя даже до ареста членов земельных комитетов. Эта политика, эти лозунги: «власть Советам», насаждаемые нами в сознании широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратив последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно: превращение империалистской войны в войну гражданскую. Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались ли-

---

1) Н. Д. Авксентьев — один из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров. С начала мировой войны был „оборонцем", одним из редакторов социал-шовинистического „Призыва", издававшегося в Париже. Один из министров Керенского. Активный противник Советской власти, деятель чехо-словацкого восстания 1918 г. и т. д. В настоящее время проживает в Париже и продолжает вести контр-революционную деятельность. Ждать

шенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов [1]) пытались вести против Красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России пробежала волна гражданской войны, везде мы побежали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги Советской власти стали неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла

---

[1]) Генерал Краснов — начальник отрядов, двинутых Керенским против Октябрьского Питера, был разбит отрядами питерских рабочих и солдат, попал в плен, но был выпущен. Бежал на Дон, где заменил разбитого Каледина, организовал казачье восстание против Советской власти и, опираясь на немецкие войска, захватил и часть Воронежской губ. После германской революции, в 1918 г., и общего наступления Красной армии был разбит за границу.

не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этою готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас жда-

ли те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства — Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате — республика Советов родилась сразу). Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые

формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину— хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предрешен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: «Совет существует, как организация профессиональная», написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу ясно было всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только

тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война несла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелко-крестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом, как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

То же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся триумфальным шествием молодых товарищей, когда перед русской революцией конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи. Эта вторая задача — решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда полу-

чили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрывали нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего объединенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог и по своему объективному положению, и экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая

атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдельным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз,— это парадоксально, но справедливо,— в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями, когда воюющие страны подошли к тупику, к распутью; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься ни друг на друга, ни соединиться против нас. Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась на-

ша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию [1]). Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверхчеловеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: «С международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет». За пределами России также росло революционное движение, но во всех без исключения империалистических странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе — наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся

---

[1]) В Финляндии в январе, феврале 1918 года рабочее восстание, начавшееся в Гельсингфорсе и др. крупных центрах, перекинулось на всю Финляндию, и была провозглашена Советская власть; но после Брестского мира Советская Финляндия была побеждена и потоплена в крови рабочих белой гвардией финляндского диктатора, палача Маннергейма, поддержанного немецкими войсками.

Точно так же русская революция в январе 1918 года перекинулась в Румынию, но вскоре была подавлена румынским правительством, заключившим союз с немцами.

революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать никоим образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником, и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и кон-

трибуций пронять нельзя. Лежит смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтоб мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших партий, интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унизительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать!»

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится, при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов,— в конце концов, а не в начале начал,— какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная

социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачки кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,— то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархические фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто бы от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет,— совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости».

«Либкнехт выручит потому, что он все равно победит!» Он нас выручит потому, что мы знаем, что он победит. Он даст такую великолепную организацию, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на Западе.

Итак, совершенно никчемна авантюра перенесения в новый исторический период старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова, а преподнес могучего международного хищника, ибо на Западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может раздробиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя нисколько не забывали, что рядом с

нашим смирным домашним зверем лежит тигр. Односторонним приказом втыкать штык в землю войну кончить нельзя».

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же, мы совершенно с ума сошли? Абсолютно нисколько. Офицеры не-большевики говорили еще до октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать, — скорее демобилизовать ее. Это больная часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия — теперь больная часть русского госу-

дарственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию — легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? «Нет, он не может наступать!» А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Вы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, — ибо мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, — мы все знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир так, что народы могли увидеть на деле наши

намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли итти на эту авантюру, которая принесла теперь свои плоды?

Таков факт. Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никоим образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не сломаем, является то обстоятельство, что, вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это — способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно; не таким темпом, который наша история выработала в октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть, и девять десятых рабочих примыкают к нам. Немецкая революция

имеет несчастие итти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней, или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не менее, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России, где громадной части населения было совершенно все равно, какие там на окраинах живут народы, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило поднять перышко: а начать без труда и подготовки революцию в стране, где пышно развился капитализм, дать демократическую культуру и организованность последнему человеку, — нелепая мечта. Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Мы не знаем, как

не знает никто, возможно ли, что она победит через несколько недель, даже через несколько дней. Но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра. Когда же начнется, конечно, нас не будут больше мучить сомнения, не будет больше вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она очень больно нас побила, но — за битого двух небитых дают. После того как история на этой надежде, что немец не сможет наступать и можно валить «на ура», нас очень больно побила, я уверен, что этот урок быстро пройдет в сознание революционных масс, благодаря нашим советским организациям. Эти массы шевелятся, обсуждают, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас идут не старые революционные споры, которые остаются внутри партийных кругов, а выносятся на обсуждение масс, которые требуют проверки опытом, делом, которые никогда не дают себя увлечь легкими речами, никогда не дают сбить с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от этого можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика. Он умеет разными рево-

люционными заклинаниями отговориться от того простого факта, что армии нет, и от того, что революция в Германии еще не наступила. Миллионные массы, — а политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, — а только там, где миллионы, начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, ибо видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, что воевать мы не можем, что всякий человек все, что мыслимо было, вынес. Масса уже поняла ту истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший мирный договор. Это неизбежно! Пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее, до тех пор больной не выздоровеет. Но этих задач мы «на ура» не возьмем; этих затруднений не скинем, как скинули Керенского или Корнилова. Вот урок, который массы усвоили без оговорок, которые пытались некоторые преподнести им, чтобы отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь, потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником. Да, повороты истории очень тяжелы, тяжелы особенно потому, что Октябрьский переворот не все поняли. Когда в 1907 г. мы подписали неслыханный позорный внутренний договор со Столыпиным, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с теперешним. Тогда

люди, принадлежавшие к лучшему авангарду революции, говорили: «Мы — гордые революционеры; мы верим русской революции; мы в подполье никогда не пойдем!». Пойдете. Жизнь масс, жизнь истории сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, — так вас история заставит. Это были очень левые, от которых ничего, как от фракции, не осталось, кроме дыма, при первом же повороте истории. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти снова, сумеем выйти и теперь потому, что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Надо уметь отступать! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «Дай бог отступить в полупорядке». Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: «Товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии», это бы-

ло принято за обидное предложение. «Нас хотят послать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны!» Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку, это было предложением лично удостовериться, что армия начала неслыханно бежать. Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов, до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была, величайшей авантюрой!

Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно, и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки, но я спрашиваю:

серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть момент действительности; если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают правдоподобным человеческим языком, они не стали бы интересоваться!.. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить; а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра,— тогда что? Тогда масса скажет вам: «Вы поступили как эгоисты, вы ставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет незаметно, но которая еще не дозрела».

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира, мы получили мир, гораздо более унизительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом [1]), а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали

[1]) Генерал Гофман в качестве главы германской делегации вел с нами переговоры в Бресте.

немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства: пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы, действительно, оказались добычей неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник, — всемирная революция. Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира, неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю: «Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри одной нашей страны, тактики триумфального периода революции, с помощью нашей фантазии, на весь ход революции оказалась битой историей. Когда говорят, что передышка — это фантазия; когда газета называется «Коммунист», — должно быть, от Парижской Коммуны; когда эта газета наполняет столбец за столбцом опровержениями теории передышки, — тогда я вижу ясно (мне много пришлось пережить фракционных столкновений и расколов, так что я имею большую привычку), но

вижу ясно, что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро; здесь она действует великолепно; история гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка — факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту паническ бегущую армию, которую необходимо было бы остановить, и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут, и не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов, а между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединиться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться и создавать армии,

способные не бежать, а итти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась, и нельзя ручаться, что она родится завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петербург будет потерян нами в несколько дней, когда идущие на него войска находились в нескольких переходах, а лучшие матросы и путиловцы при своем великом энтузиазме оказывались одинокими, когда получились неслыханный хаос и паника, заставившие нас добежать до Гатчины, и когда мы, наконец, опомнившись, брали назад отданное, послав телеграфиста вперед, который приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из министерства путей сообщения: «Занята следующая станция. Мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет». В действительности только телеграфист занимал свое место. Вот что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны. Ее опишут вам матросы и путиловцы, которых надо пригласить на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унизительная правда, но она в 100 раз полезнее, чем ваш «Коммунист».

Я предоставляю вам увлекаться международной революцией, потому что она все же наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие хоть один час в течение суток учились сражаться. Это немного потруднее, чем написать прекрасную сказку. Этим вы поможете немецкой и международной революции. Сколько нам дадут дней передышки, мы не знаем, но она дана. Надо скорей демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушили договор, мы его 30—40 раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительно долгий период освобождения, которое только что создало Советскую власть, подняло на высшую ступень ее развития, только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мирный договор подымает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, у них, в сущности, только апелляция к чувству. «Позорный, неслыханный, унизительный мир!» Они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они, в сущности, говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Эта газета носит кличку

«Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир — это позор, война — это честь!» Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина.

Если я иду на мир, когда армия бежит, и не может не бежать, не теряя тысячи людей, я беру его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав. На нее я ссылался не раз, такова история освобождения немцев от Наполеона. Я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там, когда немцам пришлось давать свои войска на помощь завоевателю для подчинения других народов. До этого история однажды уже доходила и дойдет вновь, если мы будем надеяться только на международную революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до такой формы военного рабства. А пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполен — ловил на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро. Последняя вспышка войны дала горькую, мучитель-

ную, но серьезную науку русскому народу, заставив его организовываться, дисциплинироваться, уметь подчиняться, создавать образцовую дисциплину. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать распростертыми в рабстве.

Так и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унизительному. Псковское соотношение сил[1]) соответствовало миру позорному, более унизительному, а в Питере и в Москве на следующем этапе нам предпишут мир в четыре раза унизительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья; мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием; а мы скажем: «Пусть русский народ найдет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все Тильзитские миры». История освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, — освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить

---

[1]) К началу мирных переговоров с Германией, вследствие нашего отказа подписать первоначальные условия, немцы оккупировали Псков, Ревель, Оршу и ряд др. городов.

мир, перейдя вновь к войне, и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготовляются за Нарвой, — если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах, — не в Нарве, а под Нарвой, не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою растянувшуюся армию, чинят свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петербург. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал и он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в 20 раз, в 100 раз более унизительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, когда немец займет его; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшуюся больную армию.

Мы не знаем, скоро ли это будет, будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, несколько дней. Все мо-

жет быть, этого никто не знает, не может знать, потому что все величайшие державы связаны, стеснены, припуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что необходимо разбить Советскую республику, а с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает и поэтому он не может сию минуту, как утверждают, взять Питер, взять Москву. Он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда фактически больна армия, когда мы пользуемся этим моментом во что бы то ни стало, хотя бы для одного дня передышки, всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, должен подымать ее для новой войны. Всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо он — в интересах пролетарской революции и обновления России путем освобождения от больного органа — стихийно демобилизующейся армии. Когда мы подписываем этот мир, а это понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понижие, но не отряды, которые оказываются негодными. Может быть, мы примем войну; возможно,

завтра отдадим и Москву; пойдем и на это испытание; в ответ на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, который, может быть, возьмет много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир, потому что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, все почувствуют это. Но пока надо воздержаться. Этот лозунг нужно провести, в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов. Надо научиться работать на новом пути. Это неизмеримо тяжело, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советской власти, если только глупейшей авантюрой мы сами не сорвали ее. Нет, когда народ скажет, что я не позволю больше мучить себя, тогда они должны заговорить о войне, и правы будут, когда заговорят. Мы сейчас не пойдем на авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унизительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Народы были связаны своей монархической организацией в 1807 г., когда подписали свой Тильзитский мир, после нескольких унизительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг один: учиться военному делу, дисциплинироваться, настоящим образом ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию и всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, которую вам дали хотя бы на час, чтобы поддержать контакт с дальним тылом и создавать там новые армии.

Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений. Она уже налицо. С ней надо уметь считаться для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев, — этого нечего прикрашивать, ибо это, действительно, Тильзитский мир.

Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражение, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

Доклад о Брестском мире на IV Чрезвычайном С'езде Советов (14—16 марта 1918 г.).

(Заседание 14 марта 1918 г.).

Товарищи! Нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт во всем ходе не только российской, но и международной революции последнего периода. Чтобы правильно, безошибочно решить этот исторический вопрос, чтобы понять его — необходимо вникнуть в главные особенности нашей революции и ясно, определенно и трезво отдать себе отчет в происходящих событиях нашей бурной эпохи. До сих пор революция шла победно и успешно к своей цели, не встречая на своем пути тяжких ударов и препятствий, и тем острее вспыхивает вопрос, — где кроется причина последних неслыханных испытаний и поражений нашей революции? Разногласия, происходящие среди нас, вызываются людьми, которые легко поддаются отчаянию и, не отдавая себе ясного отчета, делают поспешные выводы только на основании чувства и личных пережива-

ний, а не в результате трезвого и хладнокровного анализа происходящих событий. Весь прошлый опыт прежних революций определенно говорит нам о том, что когда мы имеем дело с великим массовым движением, — то мы должны рассматривать аналитически весь предыдущий ход развития революционного шествия и выяснить, почему дальнейшее развитие революции изменилось в сторону, для нас невыгодную.

Путь нашей революции — с конца февраля 1917 года по 11 февраля текущего года — это путь легких быстрых успехов, если даже мы взглянем на последнюю революцию в международном масштабе.

Русская революция пережила три периода. В течение первого периода мы имеем дело с фактом сравнительно легкого и успешного для революции низвержения монархии. Успех февральских событий прошлого года объясняется тем, что массы уже в 1905 году были достаточно закалены в огне революции. Кроме этого, победе ее в февральские дни способствовала неслыханная разруха, вызванная мучительной для трудового народа войной, а также подгнившие старые устои бездарной власти режима прошлых лет.

После низвержения монархии мы наблюдаем в жизни революции долгие месяцы переходного периода, когда власть буржуазии старательно поддерживались правыми эсэрами и меньшевиками, когда эти прихвостни империалистов с готовно-

стью шли за ними, защищая грудью хищнические договоры, скрывавшиеся от народа, и маскировали громкими фразами неслыханный мировой грабеж— войну, направленную против угнетенного трудового народа. Но, несмотря на всю тяжесть периода, в процессе развития переходной эпохи нашей революции закалили свои силы Советы.

Этот период, о котором я говорю, является периодом чрезвычайно непродолжительным с точки зрения международной революции. В этот период мы переживаем апрельское возмущение обманутого народа; мы переживаем грабительское и кровавое наступление 18 июня, мы терпим жестокое июльское поражение, мы боремся с контр-революционной гидрой корниловщины. И только после того, как трудовой народ, как массы из собственного горького опыта путем долгой политической подготовки окончательно поняли всю предательскую политику контр-революционных соглашателей — только после этого созрела благоприятная почва для Октябрьской революции, которая ознаменована наиболее быстрыми и крупными триумфами и победами над буржуазией революционного народа, ибо для всех ясно, что Октябрьские дни — это победное триумфальное шествие русской социалистической революции.

В этот период начинаются гражданские войны, в которых силы врагов народа оказались, в сравнении с революционной мощью пролетариата, чрезвычайно ничтожными. Гражданская война — это триумф Советской власти.

Слой за слоем, масса за массой, от рабочего до крестьянина, от солдата вплоть до трудового казачества,— все эти силы революции постепенно откалываются от контр-революционной буржуазии. Советская власть окончательно упрочилась в России. Власть, создавшая неслыханный в истории тип государственного самоуправления, являющаяся продолжением Парижской Коммуны и создавшая подлинный демократизм для трудовых масс, с неслыханной силой отметая эксплоататоров и угнетателей пролетариата, является наиболее совершенным видом государственной революционной организации.

Всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут. Настал период тягчайших испытаний и даже поражений революции в тот момент, когда она предстала перед силой восставшего международного империализма и капитала. Нам пришлось встретиться лицом к лицу не с таким противником, как Романов или как Керенский, но с железной мощью всего капитала и вооруженного до зубов милитаризма. И результат столкновения революции с этой могучей стеной мировой контр-революции — наше тягчайшее поражение.

Нет сомнения, что небывало тяжелы эти поражения, для всех ясно, что мы переживаем эпоху отступления революции, но тем с большей готовностью мы должны предпринять все зависящее от нас для сохранения хотя бы части наших позиций,

в ожидании восстания международного пролетариата, которому, несомненно, гораздо труднее, чем нам, низвергнуть превосходно организованный аппарат самодержавия западно-европейских стран.

Европейский пролетариат должен будет пройти иную кривую на пути развития революции на Западе. Нет сомнения, что первые ступени будут чрезвычайно тяжелы для них, и весь дальнейший ход революционного движения будет значительно легче и победнее. Таким образом, учитывая все это, необходимо стать на историческую точку зрения хладнокровного и беспристрастного анализа, а не поддаваться мимолетному чувству возмущения и декламации.

Весь предыдущий опыт всемирного революционного движения определенно указывает, что в среде революционеров некоторая часть их, поддавшись отчаянию, или заболев революционной фразой, наносит всей своей деятельностью неслыханный вред дальнейшему развитию революционного движения.

Необходимо понять в данный момент, что мы перешли теперь от эпохи легких побед и триумфов внутри к периоду тяжелых поражений, вынесенных извне мировым империализмом.

Продолжение войны при данных условиях влечет за собой только новые, неслыханные бедствия для мелко-крестьянской трудовой страны, которая, в силу сложившихся обстоятельств, временно не в состоянии оказать сопротивление вооруженному до зубов империализму. Дальнейшее

продолжение войны приведет нас к полному разгрому и поражению.

Вот почему элемент, враждебный революции, представители буржуазии, так называемые «правые», втравливают нас в войну, толкают нас на путь разгрома, влекут нас в бездну гибели.

Вот почему так кричат все эти контр-революционные сторонники новой войны со своими делонародовскими, меньшевистскими, церетелевскими, черновскими подголосками — этого требуют от них их классовые интересы, их личные выгоды, — это для них шкурный вопрос. Вот почему в этом смысле они отстаивают свою точку зрения в своих контр-революционных писаниях. (Возгласы: «Наши газеты закрыты!»). Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все... (Бурные аплодисменты). Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума [1]). (Бурные аплодисменты).

Для нас теперь вполне понятны их истерические вопли о похабном мире, вопли тех, кто с восторгом встречает германских империалистов, вторгающихся в пределы революционной республики. Отстаивая точку зрения продолжения войны, они стремятся к тому, чтобы Советская власть попала в западню.

---

[1]) После Октябрьской Революции некоторые буржуазные и соглашательские газеты продолжали существовать. Лишь после июльского (1918 г.) восстания левых эсэров эти газеты были закрыты.

Последние события с беспощадной ясностью доказали нам, что при данных условиях о продолжении войны не может быть и речи. Война невозможна: глубоко ошибаются все те, кто выступает с возражениями, вольно или невольно толкая народ и революцию на путь полного разгрома.

Глубоко ошибается партия социалистов-революционеров, которая так безнадежно поддалась влиянию чувства. В трагический момент напряженнейшей борьбы мировой революции с реакцией, в момент неслыханных поражений и отступлений — декламация и революционные фразы являются гибелью для нашего дела. Мы не скрываем от народа неслыханно тяжелого положения, которое создается подписанием нами грабительского мирного договора.

Да, этот мир — тягчайшее наше поражение, да, этот мир — неслыханное унижение Советской власти, но историю перехитрить мы не в состоянии. Передышка нам нужна, плохая, короткая, непрочная передышка, но все же будет время, за которое произойдет новое накопление сил революции, оздоровление армии от отчаяния и утомления.

Если бы тогда, в первые дни революции, интеллигенция, вместо оказания помощи Керенскому, восстала бы вместе с народом против буржуазии, вручила бы власть Советам, пошла бы навстречу нуждам исстрадавшейся армии, организовала бы защиту отечества — не отечества барыша и тайных договоров, а отечества крестьян и рабочих, —

если бы эта интеллигенция протянула руку помощи активным участием в организации защиты революции разутому, раздетому и голодному солдату — только тогда были бы шансы к безболезненному переходу к тактике защиты отечества и подавления буржуазии.

Таким образом, из всего видно, что армию «разложили» вовсе не большевики, а она, задолго еще до революции, таяла и подвергалась систематической демобилизации. Вот почему теперь фанфаронством звучат эти истерические призывы к войне в то время, когда у нас нет армии, в то время, когда демобилизация — единственный выход из создавшегося положения. Вот до чего довели все те, кто теперь, разбрасывая пустейшие революционные фразы, призывает нас поддаться на провокацию международного империализма.

Наша революция подняла на неслыханную высоту массы: некогда темная деревня завершает теперь свою деревенскую революцию, и если мы ставим интересы этих трудовых масс выше интересов буржуазных вояк, театрально размахивающих нагайкой, мы должны с беспощадной трезвостью взглянуть горькой истине в глаза. При всей тяжести создавшегося положения мы неизменно верим в торжество международной революции, мы отлично знаем, что Либкнехт победит неизбежно.

После передышки, после некоторого промедления — мы приблизимся к новому периоду в нашей истории, к эпохе революционных войн трудо-

вого народа, восставшего против международных империалистов-хищников. Не считаясь с психологией дворянчика-дуэлянта, истерически призывающего к войне, мы должны учесть то обстоятельство, что при полном отсутствии армии, единственный шанс на спасение — это отступление, и выиграть время для излечения армии.

С точки зрения массовых отношений, а не дворянчиков-дуэлянтов, война при данных условиях есть сплошной самообман. И хотя мы сознаем, что нет ничего ужаснее этого архи-тяжелого договора, который мы подпишем, и хотя мы знаем, что Финляндия и Украина гибнут, наш долг — взглянуть отважно трагической правде в глаза и пойти на путь подписания мира. И мы пойдем.

Когда подписывался Тильзитский мир, условия были гораздо тяжелее и безвыходнее, нежели те, при которых приходится нам склоняться в сторону подписания договора. Захвачены были все столицы, народ был унижен, ограблен и угнетен, армия отступила по всем фронтам, и, между тем, в результате уступок, слабая сторона, в конце концов, восторжествовала.

Период старых империалистических войн окончен. Наступает историческая эпоха войн освободительных, победа которых несомненна. Народ Англии и Америки с величайшим энтузиазмом называет имена и лозунги революционных Советов. Пролетариат всего мира понимает, что здесь, в России, делается их собственное дело. Наш союз-

ник, трудовой народ всех других стран, с нами и за нас, кто бы что ни говорил. Ему приходится бороться в неслыханно тяжелых условиях. Он загнан в подполье, он заточен в военно-каторжные тюрьмы, но он отлично понимает смысл всех последних событий.

Мы будем отступать, наши силы окрепнут, империализм встал на путь гибели, и нет сомнения, что победы будут, великие победы международной революции. Мы сумеем не только в порыве храбрости и гордости наступать, но и, в случае неизбежности, начать отступление, которое, в конце концов, приведет нас к эпохе, когда мы, с новыми, окрепшими силами, объединившись с международным пролетариатом, начнем вторую Октябрьскую революцию, но только в мировом масштабе!

„Стенографический отчет
IV Чрезвычайного С'езда Советов".

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В Брестские дни 3
Приложение: В. И. Ленин. Тезисы о мире 32
Доклад по вопросу о Брестском мире на VII съезде РКП. 44
Доклад о Брестском мире на IV Чрезвычайном съезде советов 77

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВАЯ МОСКВА".

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ,

под общей редакцией МК РЛКСМ

СЕРИЯ „ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА",

под редакц. **А. И. Елизаровой** и **Ф. Кона**, орг. **П. Посвянский**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче.
Ф. Кон. Из дней ранней юности. Выпуск 1-й. Цена 35 коп.
Ф. Кон. Арест и следствие. Выпуск 2-й. Цена 25 коп.
Ф. Кон. Суд и казнь „Пролетариатцев". Вып. 3-й.
Ф. Кон. Этапом на каторгу. Вып. 4-й. Цена 40 коп.
А. Шотман. Записки старого большевика. Цена 25 коп.
А. Енукидзе. Наши подпольные типографии. Цена 35 коп.
Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней.
А. Петров. Рабочий-большевик в подполье.
Л. Ступоченко. В брестские дни.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Шумяцкий. Революционная провинция.
Ф. Кон. На Карийской каторге.
П. Дауге. Записки старого партийца.
Ем. Ярославский. 1905 год.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Клара Цеткин. Автобиография.
Н. Семашко. Воспоминания.
Пучков-Безродный. Годы 1905 — 1914.
Васильев. Окопная правда.

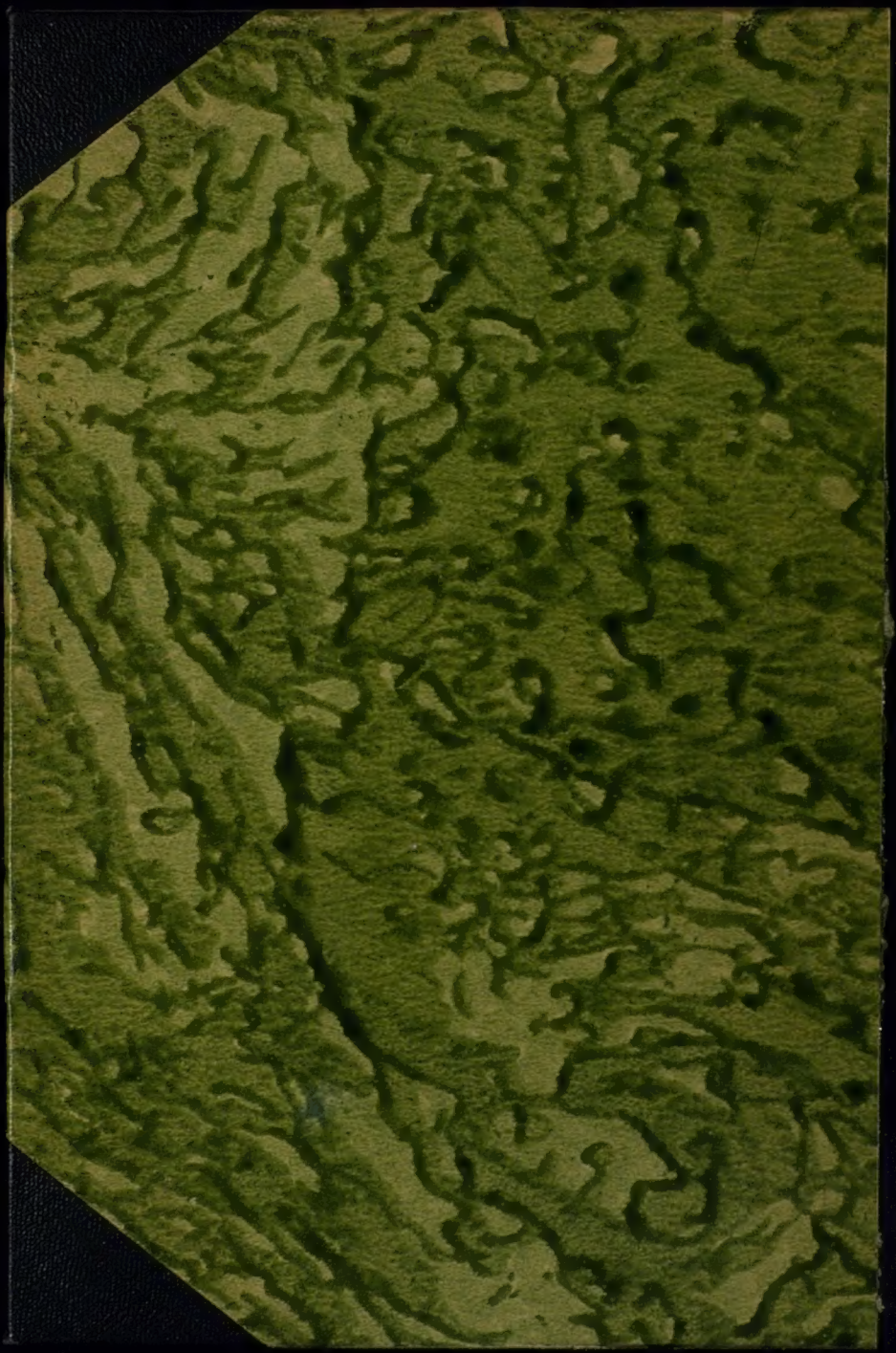
ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

С. Е. Лион. От пропаганды к террору. Выпуск 1-й. Ц. 20 коп.
С. Е. Лион. Революционеры за полярным кругом. Вып. II.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

С. Е. Лион. Морской побег. Вып. 3-й.
М. Ф. Фроленко. Хождение в народ.
Янович. Воспоминания о Шлиссельбурге.
П. Г. Крапоткин. Побег из крепости.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

В. Аптекман. Земля и воля.